

DOI: 10.22363/2312-9182-2017-21-4-729-748
УДК 811.161

ОЦЕНКИ И ЦЕННОСТИ В ЗЕРКАЛЕ СЛОВАРЕЙ РУССКОГО ЯЗЫКА*

Л.И. Богданова

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
119192, Россия, г. Москва, Ломоносовский проспект, д. 31, корп. 1

В статье рассматриваются оценочные характеристики лексики, обозначающей культурно значимые для общества понятия, получившие различное отражение в толковых словарях русского языка. Обобщение опыта изучения оценок и ценностей (Ю.Д. Апресян, Н.Д. Арутюнова, Е. Бартминский, А. Вежицкая, Е.М. Вольф, Т.В. Ларина, Н.В. Уфимцева и др.) показывает, что одним из наиболее результативных является коммуникативно-деятельностный подход, который ставит перед исследователями задачу представить оценочные характеристики с позиций реципиента и продуцента речевых произведений. В данной статье отражены результаты исследования, связанные с рецептивным аспектом изучения ценностей. Цель работы состоит в том, чтобы, выявив способы обозначения оценки в толковых словарях, показать, каким образом происходит рецепция оценок и ценностей, зафиксированных в лексикографических источниках. В ходе исследования использовались различные методы и операциональные процедуры, среди которых анализ дефиниций, компонентный анализ, трансформация контекстов, эквивалентная замена, моделирование, лингвистический эксперимент и др. При изучении способов обозначения оценок и ценностей в толковых словарях русского языка были выявлены эксплицитные и имплицитные средства выражения оценочных характеристик лексических единиц, которые влияют на рецепцию оценок, осуществляемую пользователями словарей. Особое внимание уделяется изучению проблемы конфликта ценностей как в межкультурной коммуникации, так и внутри одной культуры. Структура представлений об одном и том же явлении может не совпадать у разных культурных сообществ, что подтверждает тезис о существовании основополагающих кодов культуры, которые управляют ее языком и ее схемами восприятия (М. Фуко). В результате было установлено, что толковые словари непоследовательно фиксируют оценочный компонент слов с помощью помет, а словарная дефиниция зачастую не проясняет вопрос об оценке и содержании определяемого понятия, что затрудняет рецепцию ценностей пользователями словарей. Нередко словарная дефиниция не согласуется с реальным употреблением слова в речи. Полученные результаты позволяют поставить вопрос об оптимизации словарных толкований, а также создать предпосылки для подготовки специального словаря русских ценностей.

Ключевые слова: оценки, ценности, деятельностный подход, толковый словарь русского языка, дефиниция, словарная статья, рецепция ценностей

1. ВВЕДЕНИЕ. ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

На современном этапе развития науки классификационный подход к языку утрачивает свои позиции. Все более важным становится подход, связанный с изучением речевой деятельности участников коммуникации как в рецептивном, так

---

* Работа выполнена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ), проект № 17-04-00053 «Перспектив грамматика русского языка для активных речевых действий».

и в продуктивном плане. Языковые описания, ориентированные на точно обозначенного адресата — либо слушающего (читающего), воспринимающего ту или иную информацию, либо говорящего (пишущего), строящего речевые произведения, — значительно отличаются друг от друга, поскольку имеют разные исходные данные и разные цели и задачи (Щерба 1974; Милославский 2015). Последовательное решение вопроса о представлении русского языка для конкретно обозначенных речевых действий и участников коммуникации не может обойти стороной и такой важный предмет описания, как оценки и ценности в рецепции и продукции. Совершенно очевидно, что ценности должны рассматриваться не только как компонент культуры и духовная доминанта личности, но и как объект восприятия, понимания, постижения их глубинного смысла, и, кроме того, как способ выражения потребности человека в оценке и оценивании. Следовательно, стремящееся к максимальной полноте выявление и описание оценочных средств и установление правил их выбора в решении задач обозначения тех или иных смыслов — важнейшая цель современной аксиологической лингвистики. Следует подчеркнуть, что «в эпоху глобализации и одновременного поиска национальной идентичности требуется осмысление культурной и когнитивной роли русского языка как орудия постижения окружающего мира» (Богданова 2015: 50), носителя русской ментальности и транслятора культурных ценностей. В настоящей работе отражены результаты исследования, связанные только с рецептивным аспектом изучения оценок и ценностей. Цель данной статьи состоит в том, чтобы на основе анализа словарных статей из толковых словарей русского языка выявить способы обозначения оценки. При этом важно получить ответы на следующие вопросы: 1) каким образом авторы словарей фиксируют ценности? 2) какие признаки характеризуют ту или ценность? 3) может ли пользователь словаря на основе словарной статьи определить, есть ли в данном слове оценочный компонент (положительный/отрицательный)?

В современной науке особое внимание обращают на проблему практической значимости лингвистических исследований. Вопросы, поставленные в настоящей работе, имеют непосредственную связь с общественной практикой. Эффективное общение, к которому стремятся современные люди, не может быть обеспечено, если коммуниканты не освоили оценочно-ценностный потенциал языковых единиц, используемых во взаимодействии друг с другом. Различия в оценочном знаке важных для общения слов могут привести к конфликту ценностей, возникающему как между представителями разных культур, так и внутри одной культуры. Оценки и ценности, с одной стороны, достаточно устойчивы в определенном социокультурном пространстве, с другой стороны, эти значения текучи и изменчивы. Динамические процессы в экономической, общественной и культурной жизни приводят к изменениям, а нередко и к деформации ценностного универсума. По-видимому, ни одно значение не может быть зафиксировано раз и навсегда, что создает предпосылки для постоянной борьбы за определение понятий, важных для общества, для человека, для его идентичности (Laclau, Mouffe 1985).

Писатели, поэты, деятели культуры, обращая внимание на исчезновение тех или иных слов из лексикона, нередко приравнивают этот факт к утрате тех ценностей, которые эти слова обозначают. Так, Д.С. Лихачёв среди уходящих слов от-

мечал *любезность, воспитанность, порядочность*: порядочный человек — тот, кто *«не украдет из статьи своего товарища, не выступит с его разоблачением, не зачитает книгу, не обидит женщину, не нарушит слова»* (из интервью с Д.С. Лихачёвым). В.С. Высоцкий писал: *«Досадно мне, что слово „честь“ забыто...»*. Б.Ш. Окуджава прославлял *совесть, благородство и достоинство*: *«Совесть, благородство и достоинство — вот оно, святое наше воинство»*.

Однако современная молодежь нередко затрудняется при попытке дать определение этим культурно значимым понятиям. И, как показывает практика, словари далеко не всегда помогают определить, какие закрепленные обществом оценки зафиксированы в словарях, каков оценочный знак представляемого понятия, какие признаки включены в его содержательный объем и где проходит граница со смежными понятиями.

Итак, можно ли, основываясь на данных толковых словарей, уяснить, каков комплекс ценностных признаков, в том числе и в различительном аспекте, напр., у таких сложных понятий, как *честь, достоинство, совесть*? Хорошо ли в русском коллективе быть *прагматичным, честолюбивым, амбициозным*? Радоваться или огорчаться, если тебя назвали *индивидуалистом*? Эти и другие вопросы, связанные с реальной жизнью современного человека, далеко не столь просты, как может показаться на первый взгляд. В школьных сочинениях, проверкой которых автор был занят летом 2017 г., ученики пытаются ответить на вопросы, что такое *честь* и *достоинство*, как они понимают *бесчестье* и др. Нередко их ответы показывают, что *человек чести* в их понимании всего лишь *честный* человек, который говорит правду. Вот примеры, позволяющие в этом убедиться: *Честь является стимулом честных поступков. Честный человек говорит правду и старается поступать справедливо. Бесчестными поступками можно назвать насилие, ложь в адрес других людей* (отрывки из школьных сочинений).

Именно поэтому роль толковых словарей, которые по своей сути ориентированы на понимание, на использование их в рецептивных видах речевой деятельности, на наш взгляд, должна повышаться именно в плане общекультурного образования молодых людей.

2. МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Материалом исследования послужили данные толковых словарей русского языка (Даль 1999, СОШ, БТС). Следует отметить, что указанные словари не сравниваются друг с другом, а их данные используются в качестве материала для выявления средств выражения оценки в лексикографических источниках. Отбор материала основывался на нескольких принципах. На первом этапе из тех ценностно ориентированных параметров, которые представили в своих работах Ф. Клакхон и Ф. Стродтбек (Kluckhohn, Strodtbeck 1961), был выбран параметр, связанный с взаимоотношениями между людьми, признаваемый большинством исследователей наиболее значимым для русской культуры. Таким образом, для анализа были отобраны из толковых словарей русского языка те лексические единицы, которые имеют отношение к данному параметру. Далее из этого массива, вслед за Е. Бартминьским (Бартминьский 2005: 125), были выделены те наименования, анализ значения которых требует обращения к поведению человека. И, наконец, из этой

группы были выбраны лексические единицы, которые могут иметь неоднозначную оценочную интерпретацию как в межкультурном, так и внутрикультурном контексте, поскольку структура представлений об одном и том же явлении может не совпадать у разных культурных сообществ, что говорит о существовании основополагающих кодов культуры, которые управляют ее языком и ее схемами восприятия (Фуко 1994).

В данной работе (в связи с большим объемом рассматриваемого материала) представлена лишь часть отобранной лексики с указанными оценочными характеристиками. В качестве иллюстративного материала использовались данные Национального корпуса русского языка (НКРЯ), современных СМИ, опросов и анкетирования.

Методы исследования включают в себя как индуктивный подход к анализируемой лексике, состоящий в систематизации и обобщении данных, так и дедуктивный, когда на основании ряда фактов выдвигается гипотеза, проверяемая впоследствии на более обширном материале. В ходе исследования использовались дефиниционный и компонентный анализ, различные операциональные процедуры, среди которых трансформация контекстов, эквивалентная замена, лингвистическое моделирование, эксперимент.

3. ЧЕЛОВЕК В МИРЕ ОЦЕНОК И ЦЕННОСТЕЙ

Человек, живущий в контексте культуры, не может существовать вне системы оценок, ценностей, ценностных установок и ориентиров. Именно в системе идей и оценок отображается в языке и культуре коллективная личность. В соответствии с концепцией Питирима Сорокина, культура понимается не только как совокупность значений, ценностей и норм, которыми владеют взаимодействующие лица, но и как совокупность носителей, которые объективируют, социализируют и раскрывают эти значения (Сорокин 1992). Именно ценности служат основой и фундаментом единой культуры.

Воспринимающий мир человек, определяя значимость объекта, входящего в сферу его интересов, оценивая его тем или иным образом, способен возводить данный объект в статус ценности (Абишева 2002: 142). При этом важно подчеркнуть, что в аксиологии ценность понимается не только и не столько как свойство объекта, сколько как отношение между мыслью и действительностью (Ивин 2010). Человек как носитель культуры не может воспринимать мир абсолютно объективно. Язык, являясь инструментом оценивания мира и человека, служит для выражения оценки, содержит средства для обозначения ценностей.

Объектом оценки может быть практически все, что окружает человека. Но для субъекта оценки главным объектом является он сам. Процесс оценивания неизбежно включает в себя субъективный фактор. Относительность дескриптивного содержания оценочных суждений подчеркивали многие философы. Аристотель отмечал зависимость их значения от рода объектов, Т. Гоббс — от различий в мнениях субъекта оценки, Дж. Локк — от их компаративной природы, а Б. Спиноза выявил их зависимость от нестабильности критериев оценки (Арутюнова 1998: 137—145).

По мнению Н.Д. Арутюновой, для предикатов, включающих в свое значение оценочную сему, характерен наибольший отрыв от объективных свойств предме-

тов: их содержание прямо определяется основанием оценки, которая в целом «обусловлена субъективными вкусами, интересами и взглядами (социальными, этическими, эстетическими) говорящего, группы говорящих, определенной части общества, и только по отношению к ним оценочное высказывание может рассматриваться как истинное или ложное» (Арутюнова 1998: 50). Из этого утверждения следует, что одни и те же явления могут оцениваться как положительно, так и отрицательно. То, что для одного человека *трусость*, для другого — *осторожность*, то, что один называет *жестокостью*, другой — *справедливостью*, один называет что-л. *смелостью*, другой — *лихачеством* и *безрассудством*, *мотовство* может кем-либо характеризоваться как *щедкость* и т.д. Ср. также: *Как это все назвать, господа? Лакейством или деликатностью перед Европой?* (Ф.М. Достоевский).

В современной лингвистике оценочность рассматривается как свойство языковой/речевой единицы, связанное с установлением ценностного отношения (оценки) субъекта речи к объекту в широком смысле (явлению материального или духовного порядка) (Себепова, Онгарбаева 2015: 66). Следует отметить, что концепт оценки, «...являясь „интуитивно ясным“, с трудом поддается дефиниции, которая могла бы удовлетворить хотя бы большинство, если не всех исследователей» (Дридзе 1971: 69). Оценка достаточно часто выражает одобрение или неодобрение говорящего по отношению к какому-либо объекту, передавая тем самым субъективный план речи (Аврамова 2003: 214). Для задач настоящей работы существенным является содержательное различие «внешней» и «внутренней» оценки (Бульгина, Шмелёв 1994). «Внешняя» оценка связана с «интерпретативным» компонентом значения, требует «взгляда со стороны» и нередко проявляется в стилистической маркированности слова (*фискал, стукач*). «Внутренняя» оценка инкорпорирована в глагольную семантику. Для нашего материала важно, что слова «внутренней» высокой самооценки одновременно являются словами низкой, отрицательной «внешней» оценки, что обнаруживает одно из правил «наивной» этики по Ю.Д. Апресяну (Апресян 1995): русский языковой коллектив негативно воспринимает высокую самооценку субъектом своих поступков, свойств, качеств (*бахвальство, хвастовство, зазнайство* и др.). Таким образом, и внутренние, и внешние оценки будут предметом рассмотрения в настоящей работе. Особое внимание будет уделено оценке как фактору формирования ценностей.

Не останавливаясь подробно на анализе природы оценки и оценочных языковых механизмов, рассмотренных и в философской, и в лингвистической литературе (Арутюнова 1998; Вольф 2002; Ивин 2010; Телия 1996 и др.), перейдем к краткому обзору основных направлений, связанных с ценностным подходом к описанию лексики и ее лексикографическим представлением.

4. ЦЕННОСТНЫЙ ПОДХОД К ОПИСАНИЮ ЛЕКСИКИ

Слово, выступая в качестве классификатора человеческого опыта, является необходимым инструментом познания мира. Значение слова, как считает американский исследователь Х. Патнэм, есть вектор, направляющий внимание пользователей языка в сторону действительности, отсылающий к знаниям о мире (Putnam 1975). Именно поэтому слово нуждается в адекватном истолковании и полном

лексикографическом представлении. Существующие словарные дефиниции по разным причинам достаточно часто не удовлетворяют пользователей словарей. Причиной неудачных, неполных и даже ошибочных истолкований нередко бывает невнимание к веками складывающейся «наивной картине мира» (по Ю.Д. Апресяну), которая не только получает отражение в значениях слов, но и влияет на их употребление. Как отмечает Ю.Д. Апресян, «задача лексикографа, если он не хочет покинуть почвы своей науки и превратиться в энциклопедиста, состоит в том, чтобы вскрыть эту наивную картину мира в лексических значениях и отразить ее в системе толкований» (Апресян 1995: 39).

Лексические значения, создающие языковую картину мира, представляют собой интерпретацию действительности в ее измерениях физических, психологических, социальных, духовных, ценностных (Бартминьский 2005: 32). Именно поэтому глубокое изучение лексической семантики предполагает учет ценностного компонента значения слова. Ценностно-оценочный аспект в изучении лексики представлен в исследованиях Н.Д. Арутюновой, в работах по когнитивной семантике (Ю.Д. Апресян, Е. Бартминьский, А. Вежицкая, Е.В. Урысон и др.), в исследованиях по лингвокультурологии (Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров, М.Л. Ковшова, В.А. Маслова, Ю.С. Степанов, В.Н. Телия и др.), этнопсихолингвистике и коммуникативистике (Т.В. Ларина, Ю.А. Сорокин, Е.Ф. Тарасов, Н.В. Уфимцева, Р.М. Фрумкина и др.) и др.

Особенно значимыми становятся аксиологические исследования психолингвистического направления (Сорокин, Марковина 1998; Уфимцева 2001; Фрумкина 2001; Красных 2002; Джамбаева 2013), в рамках которого экспликация оценки в национальных языках приобретает решающее значение, поскольку именно оценка формирует ценностную картину того или иного этноса.

На современном этапе ценностный аспект должен включаться в образовательный процесс в качестве необходимого компонента. Обучение языку, как родному, так и неродному/иностранному, немислимо без изучения его ценностной системы, поскольку социокультурная компетенция включает в себя умение правильно пользоваться «культурными правилами», которые основываются на знании ценностей этой культуры (Дерен 2012: 131; Себепова, Онгарбаева 2015; Логутенкова 2016: 47).

Ценности получают непосредственное отражение в прессе, поскольку журналисты достаточно часто обращаются к ценностным составляющим общекультурного фонда, «надеясь на „коммуникативное соавторство“ с читателем» (Ремчукова, Шевченко 2014: 75). В мире политики ориентация на ценности, путем умелого рефрейминга, может привести к победе на выборах, и в этом плане особое внимание, на наш взгляд, обращают на себя исследования когнитивного направления, раскрывающие связь фрейма и набора соответствующих ценностей (Lakoff 2004; Плисецкая, Филимонов 2015). В политике фреймы позволяют объединить людей (избирателей) вокруг определенных ценностей и идей.

В ходе исследований учеными получены важные результаты, связанные с изучением ментальности, с экспликацией национальной системы ценностей. Однако интерес к изучению ценностей не ослабевает и будет расти на фоне укрепления позиций коммуникативного подхода к языку, который предполагает диалогич-

ческий ракурс в исследовании и семантики, и прагматики (Kecskes 2016). Именно в коммуникации, особенно в межкультурном общении, раскрываются ценностные компоненты значений слов, о чем свидетельствуют, в частности, работы Т.В. Лариной и В.И. Озюменко (Ларина 2013; Ларина, Озюменко 2016 и др.). Таким образом, аксиологическая лингвистика предстает на современном этапе как особая сфера междисциплинарного знания, предметом которой являются ценности, зафиксированные в языке и коммуникативном поведении.

5. ОБОЗНАЧЕНИЕ ОЦЕНКИ В СЛОВАРЯХ С ПОМОЩЬЮ ПОМЕТ

Язык, являясь «путеводителем к социальной реальности» (Сепир 2002: 282—284), служит для выражения оценки, содержит средства для обозначения ценностей, тем самым определяя наш образ мысли и обрабатывая наши чувства. Ценности определенным образом «складированы» в языке и, будучи связанными со значениями слов, получают отражение в словарях. При решении задачи по определению характера и способов лексикографического отражения оценок и ценностей возникает вопрос, должны ли оценочные семы в обязательном порядке найти способ фиксации в словарях?

На наш взгляд, если значение слова в имплицитной форме не указывает на оценку, но речевая практика убеждает в том, что эта оценка есть, то знак оценки должен получить отражение в соответствующей словарной статье, возможно, в иллюстративном материале. Неминуемо возникает еще один вопрос: относится ли этого рода знание к компетенции говорящего как носителя языка или как члена определенной культурной общности, т.е. имеет ли знание об оценке лингвистический или экстралингвистический характер? Ответить на этот вопрос однозначно достаточно сложно. Лексикографы обычно не проводят строгую границу между лингвистической и энциклопедической информацией (Fillmore 1969: 124; Vendler 1967).

Наиболее доступным для наблюдения способом выражения оценки в словарях можно не без оснований считать пометы. Так, в частности, «Толковый словарь русского языка» С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой (СОШ 1999) предваряет вводный раздел «Сведения, необходимые для пользующихся словарем», в котором разъясняется характер помет. В этом разделе подчеркивается, что такие пометы, как (*презр.*), т.е. презрительное, (*неодобр.*), т.е. неодобрительное, (*пренебр.*), т.е. пренебрежительное, (*шутл.*), т.е. шутливое, (*ирон.*), т.е. ироническое, (*бран.*), т.е. бранное, (*груб.*), т.е. грубое, — «означают, что в слове содержится соответствующая эмоциональная, выразительная **оценка** обозначаемого явления» (СОШ: 8). При этом важно отметить, что поле отрицательной оценки представляется очень сложным в плане дифференциации. Лексикографы не дают точных критериев для разграничения того, к чему можно относиться просто *неодобрительно*, что оценивать с *презрением*, а к чему относиться *пренебрежительно*. Выбор пометы для отрицательной оценки из шести имеющихся в распоряжении авторов Словаря (*презр.*, *неодобр.*, *бран.*, *пренебр.*, *груб.*, *ирон.*) скорее всего основан на языковой интуиции лексикографов. Какие-либо другие мотивировки не обозначены.

Для положительной оценки в Словаре не предусмотрено помет. Стилистическая помета (*высок.*), т.е. *высокое*, означает, что слово придает речи «оттенок

торжественности, приподнятости; свойственно публицистической, ораторской, а также поэтической речи» (там же: 8). Однако эта помета может интенсифицировать выраженную положительную оценку. Так, например, слово *доблесть* сопровождается пометой (*высок.*), что подчеркивает, усиливает положительную оценку такого комплекса качеств, как ‘мужество, отвага, храбрость’ (СОШ).

Отрицательная оценка может однозначно выражаться с помощью рассмотренных выше помет. Так, напр., разговорное слово *чинодрал* имеет помету (*презр.*), что указывает на отрицательную оценку человека, склонного к бюрократизму и формализму: *чинодрал* определяется как ‘бюрократ, формалист’. В данном случае отрицательная оценка выводит на осознание русских ценностей апофатическим способом, но определение не согласуется с внутренней формой этого слова, что было подтверждено в специальном опросе студентов, в ходе которого не было зафиксировано отраженное в словаре понимание данного слова.

Словари иногда непоследовательно указывают на оценку с помощью помет, что можно продемонстрировать на примере слов *жадина*, *жлоб*, *скупердяй* и *скряга*. Разговорное *жадина* и просторечное *жлоб* сопровождаются пометой (*презр.*), указывающей на отрицательную оценку жадного, стремящегося к наживе человека (*жадина*) и скупого, скрягу (*жлоб*), но слова *скряга* (‘очень скупой человек’, разг.) и *скупердяй* (‘то же, что скряга’, прост.) оценочных помет не имеют, в то время как однокоренной просторечный глагол *скупердяйничать* — ‘вести себя скупердяем, скарעדничать’ — снабжен пометой (*неодобр.*) (СОШ).

В результате можно сделать предварительный вывод о том, что пометы в словарях, хотя и служат определенным сигналом оценки, но не являются точным и последовательным ее отражением. Отсутствие пометы не говорит о том, что оценка нейтральная.

6. АНАЛИЗ СЛОВАРНЫХ ДЕФИНИЦИЙ

6.1. Честь, честолюбие, совесть

Представление об оценках и ценностях достаточно легко декодируется из значений лексических единиц, в дефинициях которых содержится эксплицитное указание на положительное качество. Так, например, *честь* определяется как ‘достойные уважения и гордости моральные качества человека’ (СОШ), следовательно, из определения легко вычлeняется общий ценностный смысл: пользователь словаря однозначно понимает, что *честь* — это хорошо. Правда, при этом остается загадкой, какие конкретно качества достойны уважения и гордости. Очевидно, что в данном случае авторы словаря апеллируют к оценке обществом и самим субъектом данного качества, не определяя конкретно, какие именно моральные качества достойны уважения и гордости.

Более детально это понятие рассмотрено в Большом толковом словаре русского языка (далее — БТС), где *честь* определяется как ‘совокупность высших морально-этических принципов личности (честность, порядочность, добросовестность и т.п.); сохранение собственного достоинства и уважение личного достоинства другого’ (БТС). Однако если обратиться к толкованию тех понятий, через которые определяется *честь* (*честность, порядочность, добросовестность*),

то полной и ясной картины не получится. Так, *честность* толкуется через обращение к прилагательному *честный*, которое в первом значении определяется как ‘отличающийся неспособностью врать, открытостью, прямоотой’ (о человеке); свойственный такому человеку; ‘искренний, правдивый’ (о человеке, его характере, мыслях, поступках). *Порядочный* человек определяется как ‘честный и благородный, ведущий себя в соответствии с принятыми в обществе нормами поведения; неспособный на низкие поступки’. *Добросовестный* человек — честно, старательно выполняющий свои обязанности, обязательства.

Основываясь на этих лексикографических данных, можно было бы предположить, что *человек чести* — это открытый, прямой человек, говорящий исключительно правду, не нарушающий принятые в обществе нормы поведения, старательно выполняющий свои обязанности. Но согласуется ли такое представление, извлеченное из словарей, с интуитивным пониманием чести, имеющим до сих пор романтический ореол? В данном случае мы видим иллюстрацию того положения, что ценность целого не равна сумме ценностных характеристик составляющих его частей. Надо отметить, что современные школьники легко вычленивают положительный оценочный компонент значения слова *честь*, однако не всегда могут объяснить, в каких поступках проявляет себя такое качество, как честь.

В словаре В.И. Даля, созданном, как известно, в середине XIX в., *честь* определяется как ‘внутреннее нравственное достоинство человека, доблесть, честность, благородство души и чистая совесть’ (Даль 1999), т.е. в словаре дается толкование слову *честь* через набор слов с безусловно положительной оценкой. Во всех трех случаях из приведенных определений однозначно можно заключить, что *честь* — это безусловная ценность. Человек, характеризующийся отсутствием данного качества, оценивается отрицательно: *Бесчестный* — ‘нарушающий требования чести, непорядочный’. *Бесчестный поступок* (СОШ).

Итак, честь — это ценность для русского коллектива. Но занимает ли эта ценность такое же высокое место в иерархии ценностей, как, например, польское понятие *honor* (‘честь’) в польской культуре?

В научных исследованиях уже неоднократно отмечалось, что даже сходные условия жизни и сходная история народов далеко не всегда предполагают сходство менталитета. По мысли Б.Ю. Нормана, русское *честь* в советское время обесценилось и десакрализировалось, частотно используясь, например, в лозунге «Партия — ум, честь и совесть нашей эпохи», который сейчас цитируется исключительно в иронических контекстах. Поэтому считать «польское *honor* и русское *честь* синонимами можно только условно, первое из них имеет сильную традицию в шляхетской культуре и культивировалось веками практически без перерыва» (Норман 2013: 12). Примечательно, что слово *гонор* в русском языке имеет отрицательную оценку, что отмечается в словарях: *Гонор* — ‘самоумнение, заносчивость’: *Сбить с кого-н. гонор* (СОШ). Данный факт, безусловно, отражает общую картину лексических и ценностно-оценочных несоответствий между близкородственными языками.

Внутренняя форма слова *честолюбие*, на первый взгляд, предполагает своего рода «протозначение», понимаемое как ‘любовь к чести’. Желание обладать таким положительным качеством, казалось бы, должно оцениваться положительно. Но *честолюбие* реализует значение слова *честь*, осмысляемое не как внутреннее

качество, а как внешние атрибуты — почести, слава. При этом дефиниция слова *честолюбие*, определяемого как ‘жажда известности, почестей, стремление к почетному положению’ (СОШ), не сообщает напрямую о положительной или отрицательной оценке этого качества, однако имплицитно оценка все же содержится, причем отрицательная, так как слово *жажда* (‘сильное, страстное желание’) дает возможность предположить, что излишнее проявление даже положительного качества или стремления к нему может оцениваться обществом как отрицательная черта (ср. *щедрость*, но *расточительность*).

Слово *честолюбивый*, определяемое как ‘склонный к честолюбию, вызываемый честолюбием’ (СОШ), также не имеет помет, а толкование не содержит ни эксплицитной, ни имплицитной информации об оценке данного качества. Словарь В.И. Даля, напротив, в словарной статье слова *честь* эксплицитно и имплицитно выражает оценку качеств, представленных словами *честолюбие* и *честолюбивый*. *Честолюбие* определяется как ‘искательство внешней чести, уваженья, почета, почестей’, где определение *внешняя* для слова *честь* намекает на отрицательную оценку этого качества. Иллюстративный материал словарной статьи эксплицитно выражает отрицательную оценку: *Похвала и награды подстрекают только честолюбие, побужденье внешнее и низкое* (Даль 1999). *Честолюбивый* определяется как ‘человек, страстный к чинам, отличиям, ко славе, похвалам и потому действующий не по нравственным убеждениям, а по сим видам’ (там же). Нетрудно заметить, что дефиниция в своей заключительной части содержит эксплицитную негативную оценку чрезмерного стремления к чинам.

Как отмечает В.В. Колесов, «для русского коллективного бессознательного честь и совесть равноценны и равнозначны по нескольким признакам», поскольку отражают проявление «личной ответственности в общественной среде» (Колесов 2004: 110). Обратимся к толкованию понятия, обозначаемого словом *совесть* с целью выяснения ценностной составляющей и ее отражения в словарях.

В Словаре С.И. Ожегова *совесть* — это ‘чувство нравственной ответственности за свое поведение перед окружающими людьми, обществом’. *Люди с чистой совестью* (СОШ). Из словарной статьи не совсем ясно, как оценивается это качество. Определение слова *бессовестный* (‘не имеющий совести’) проясняет оценочную направленность: *Бессовестный* — ‘нечестный и наглый’. *Бессовестный обман. Бессовестный лжец* (там же).

В.И. Даль определяет *совесть* как ‘нравственное сознание, нравственное чутье или чувство в человеке; внутреннее сознание добра и зла; тайник души, в котором отзывается одобрение или осужденье каждого поступка; способность распознавать качество поступка; чувство, побуждающее к истине и добру, отвращающее ото лжи и зла; невольная любовь к добру и к истине; прирожденная правда, в различной степени развития’ (Даль 1999). Иллюстративный материал словарной статьи подтверждает безусловно положительную оценку данного качества: *Добрая совесть — глаз Божий (глас Божий). Богатый совести не купит, а свою погубляет. От человека утаишь, от совести не утаишь* (там же). Такое лексикографическое представление согласуется с тем, как понимал *совесть* И. Ильин: «Совесть нужна каждому человеку. Совесть есть живая и цельная воля к совершенству» (цит. по: Колесов 2004: 112).

6.2. Широта, простор и удаль

Коллективная общественная оценка того или иного качества далеко не всегда находит отражение в значении слова, закреплённом в словаре. Так, напр., *русская широта натуры*, *русская широкая душа* интуитивно осмысляются носителями русского языка как безусловно положительные качества, как ценности (ср. название ресторана в Санкт-Петербурге: «Ресторан широкой русской души»). Но современные словари толкуют *широту* в основном как нейтральное понятие, хотя в одном из переносных значений *широкий* толкуется в словаре С.И. Ожегова, Н.Ю. Шведовой как ‘не стесненный в проявлении, в обнаружении чего-н., с размахом’ (СОШ), что дает возможность благодаря контекстуальному антониму (*стесненный*, т.е. ‘с ограниченной свободой в чем-н., затруднительный, трудный’) предположить, что *широкий* имеет потенциальную положительную оценку.

Приведенные в словаре в качестве примеров словосочетания *широкий образ жизни*, *широкая натура* дают представление о том, что говорится о щедром, не стесняющемся в тратах или открытом и общительном человеке (СОШ), что в русском социуме высоко ценится. В словаре В.И. Даля объясняется, что *жить широко* — это жить ‘богато, таровато, хлебосольно’, а понятие *ширь* связывается с *простором*, что также оценивается положительно. Примечательно, что в словаре В.И. Даля *простор*, с одной стороны, подразумевает ‘простое, пустое, ничем не занятое место’, с другой стороны, *простор* — это ‘свобода, воля, раздолье’, чему противопоставляются ‘гнёт, стесненье’. В.И. Даль выделяет «простор в местности, простор во времени и простор духовный и нравственный»: *Ум простор любит* (Даль 1999).

В словаре С.И. Ожегова, хотя и нет оценочных помет у слова *простор*, но толкование (через слова *свобода*, *свободный*) и иллюстративный материал однозначно указывают на положительную оценку: *простор* — 1. Свободное, обширное пространство. *Стенные просторы*. 2. Свобода, раздолье. *Ребятам на даче простор* (СОШ).

С широтой и простором нередко ассоциируется такое понятие, как удаль. *Удаль* воспринимается как качество, присущее русским (ср. *русская удаль*) и определяется изнутри, с позиций русской культуры, как бесспорно положительное. Однако толковый словарь в дефиниции не дает однозначного представления о положительной оценке данного качества: Ср.: *удаль* — ‘безудержная, лихая смелость’ (СОШ). Смелость без участия рассудка, разума далеко не всеми культурными сообществами оценивается положительно. Неслучайно Н.С. Трубецкой отмечал, что «удаль, ценимая русским народом в его героях, есть добродетель чисто степная, понятная тюркам, но непонятная ни романогерманцам, ни славянам» (Трубецкой 1921: 10)]. Однако примеры, приводимые в толковом словаре, однозначно указывают на положительную оценку данного качества: *удаль молодецкая; промчатся с удалью по селу; любить кого-л. за удаль*. Синтаксическая конструкция поговорки, приведенной в качестве иллюстрации (*Мал, да удал*), также указывает на то, что компенсировать недостаток (*мал*) можно с помощью положительного качества (*удал*). О положительной оценке удалы говорит и поговорка *И стар, да удал: за двоих стал*.

В.И. Даль рассматривает слово *удаль* в составе словарной статьи глагола *уда-вать* (*удаваться*), характеризуя его положительно через набор других положительных качеств: *удаль*, *удальство* — ‘удатность, смелость, решимость, отвага, отважность, отчаянная храбрость, при сметливости, находчивости; удачная отвага; молодечество’. *Удаль города берет* (Даль 1999).

6.3. Общительный, прямой, эмоциональный

По наблюдениям ученых, основное различие в ценностных приоритетах русской и западных культур заключается в том, что в западных (особенно протестантских) культурах в центр ценностной иерархии ставится личность, а в русской культуре таким центром являются человеческие взаимоотношения. Одной из важнейших русских ценностей в этом плане многими исследователями признается *общение*. А. Вежбицкая называет *общение* ключевым словом русской культуры (Вежбицкая 2005: 469). Общаться по-русски значит «разговаривать с кем-то в течение некоторого времени ради поддержания душевного контакта», причем русское общение может предполагать также некоторую «бесцельность этого занятия» и получаемые от него «удовольствия и радости» (Зализняк 2005: 280—281). Легко предположить, что людям прагматического склада будет непонятно, что может быть хорошего и ценного в «бесцельном» занятии, каким является общение. Рассмотрим, отражается ли ценностный потенциал данного слова в словарях русского языка.

СОШ и БТС дают однотипное толкование этому понятию. *Общение* определяется в этих словарях как ‘взаимные сношения, деловая или дружеская связь’. *Коммуникация* в одном и своих значений практически приравнивается к *общению*, отличаясь от него лишь сферой употребления: *Коммуникация* (книжн.) — ‘сообщение, общение’ (СОШ). Ценностный потенциал слова *общение* в такой дефиниции не раскрывается. Частично это компенсируется за счет иллюстративного материала: *Тесное, дружеское общение* (СОШ); *В общении с людьми есть особая радость* (БТС). Рассмотрим, как характеризуется человек, обладающий склонностью к общению.

В толковании слова *общительный* — ‘легко вступающий в общение с другими, не замкнутый’ (СОШ) положительная оценка проясняется благодаря антониму *замкнутый*, в дефиниции которого отражена отрицательная оценка этого качества: 1. Обособленный; отъединенный от общества, занятый своими узкими интересами. 2. Необщительный, скрытный (СОШ). Примечательно, что для характеристики человека с точки зрения его способности к общению есть еще одно прилагательное — *коммуникабельный*, т.е. ‘такой, с которым легко общаться, иметь дело, устанавливать контакты’ (СОШ). Полезное с точки зрения речевых действий разграничение лиц, активно вступающих в общение (*общительный* — субъект общения) и лиц, с которыми легко общаться (*коммуникабельный* — адресат общения), в речевой практике на самом деле не соблюдается: *Мой попутчик оказался коммуникабельным человеком: он охотно вступил со мной в общение*.

Своего рода «спутники» общения по-русски — *русская прямота* и *откровенность* — в рамках русской культуры также ценятся высоко. В словарях *прямой*

эксплицитно толкуется как положительное качество: ‘правдивый, откровенный, нелицемерный’ (СОШ). В БТС указывается, что *прямой* в устойчивых словосочетаниях *прямая дорога*, *прямой путь* используется тогда, когда говорится «о правильных и честных средствах достижения чего-л.; о честной жизни кого-л.». Однако с позиций иной культуры эти качества могут быть не всегда привлекательными. Воспользуемся свежим примером, связанным с широко обсуждаемым выступлением на заседании ООН российского дипломата В. Сафронкова, который, эмоционально комментируя выступление представителя Великобритании Р. Райкрофта, призывал его смотреть в глаза, не отводить взгляд, что в русской культуре является сопутствующим признаком правды, прямоты, искренности, честности.

Выступление Сафронкова, при всей его эмоциональности и конфликтогенности, оценивалось многими носителями русской культуры, именно в человеческом плане, положительно, как прямое и честное, хотя оценка его речи как дипломата, с профессиональной стороны, была в основном отрицательной.

Другой пример, иллюстрирующий прямоту как русское качество, связан с неформальной встречей министров ОБСЕ в Австрии, где глава МИД России Сергей Лавров возмутился тем, что представители СМИ столпились вокруг стола, не обращая внимания на сидящих. Возмущение С.В. Лаврова выразилось в открытых, прямых замечаниях журналистам: «*Дайте мне воздуха. Вокруг стола сидят люди, а вы повернулись к ним спиной. Это не очень вежливо*» (РИА Новости, 11 июля 2017 г.). Т.В. Ларина подчеркивает, что, в отличие от английской культурной традиции, в русском общении прямолинейность и императивность не являются угрозой или помехой гармоничным взаимоотношениям: более короткая горизонтальная дистанция между людьми, характерная для русской культуры, «позволяет собеседникам вести себя более свободно, открыто, говорить прямо о том, чего они хотят и что думают» (Ларина, Озюменко 2016: 63).

Быть прямым, открытым, эмоциональным в сознании русских совсем неплохо, поскольку эти качества свидетельствуют об искренности. Так, например, БТС дает такое определение прилагательному *эмоциональный* в одном из его значений: ‘способный остро чувствовать, живо реагировать на что-л., не рассудочный, легко возбуждающийся’. *Эмоциональный характер. Эмоциональная натура. Эмоционально богатый человек* (БТС).

Толкование слова *эмоциональный* указывает на потенциальную положительную оценку, так как живая реакция на события противопоставляется рассудочности, которая в русском социуме не ценится высоко. В сознании англичан, как известно, эмоциональность, напротив, — отрицательное качество. Согласно теории Г. Хофстеде, свободное, открытое выражение эмоций является одной из характеристик культур, избегающих неопределенности, а эмоциональная сдержанность характерна для культур, терпимых к неопределенности (Hofstede 1991: 125).

6.4. Скромный и кроткий

Даже внутри русской культуры слово *скромный* репрезентирует амбивалентную ценность. *Скромность* как человеческое качество, пожалуй, даже и в современном мире большинством носителей русской культуры оценивается положительно, но *скромное жилье*, *скромная зарплата*, *скромные интеллектуальные воз-*

возможности вряд ли можно оценить позитивно. Толковый словарь С.И. Ожегова, не сопровождая данное слово оценочными пометами, так определяет прилагательное *скромный* — 1. Сдержанный в обнаружении своих достоинств, заслуг, нехвастливый; 2. Сдержанный, умеренный, простой и пристойный. *Скромное поведение. Скромная внешность. Скромно одеваться. Скромная квартира*. 3 перен. Небольшой, ограниченный, едва достаточный. *Скромный заработок. Весьма скромный результат* (СОШ), где в третьем значении *скромный* характеризует не человека, а результат его деятельности, и при этом понимается скорее как недостаток, чем достоинство.

В БТС *скромный* определяется в первом значении как ‘лишенный тщеславия, высокомерия, не выставяющий напоказ своих достоинств’, где положительная оценка выражена более четко.

В словаре В.И. Даля *скромный* характеризует только личность, поэтому качество представлено как позитивное: ‘умеренный во всех требованиях, смиренный; кроткий и невзыскательный; не ставящий личность свою наперед; приличный, тихий в обращении’: *Скромность всякому к лицу* (Даль 1999). В Словаре приводятся антонимы к слову *скромный*: *самоуверенный, самонадеянный, самолюбивый, себялюбивый; гордый, заносчивый, наглый, нахальный*, что усиливает положительную оценку слова *скромный*. Это понимание скромности подтверждают и некоторые примеры употребления (НКРЯ): *Ленивый, зато не нахальный. Скромный. А эти «не ленивые» прут, как носороги, попирая все человеческие ценности* (Токарева Виктория. *Своя правда* // «Новый Мир», 2002).

Еще более сложная ситуация с представлением такой традиционной русской ценности, как *кротость*: *кроткий* определяется как ‘незлобивый, покорный, смиренный’ (СОШ). Однако *покорность*, связанная с подчинением чужой воле, далеко не положительное качество. Словарь В.И. Даля, в свою очередь, описывает данное качество путем перечисления слов с близким значением: *кроткий* — ‘тихий, скромный, смиренный, любящий, снисходительный; не вспыльчивый, негневливаемый, многотерпеливый’: *Кроткое обращение* — ровное и доброжелательное; *Кроткое слово гнев побеждает; Не ищи мудрости, ищи кротости* (Даль 1999), и этот комплекс качеств характеризует человека однозначно положительно. Ценностную составляющую русского культурного понятия *кротость* подтверждают литературные примеры (НКРЯ): *Он был добрый, кроткий человек, я любил его...* (А.П. Чехов. *Крыжовник*, 1898); *Перевод я сделал, как мог: не хотелось огорчать Якова Мироновича — он был такой милый, кроткий и весь светлый, голубоглазый, с еще не седевшим, совсем светлым пушком волос на висках* (И.М. Дьяконов. *Книга воспоминаний*, 1995).

7. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, информация о коллективных оценках и ценностях может извлекаться из интерпретации помет, словарной дефиниции, иллюстративного материала. О ценностях могут сообщать также значения слов с отрицательной оценкой. Так, в русской культуре высоко ценится умение быть собой, не притворяться, не выдавать себя за другого, отсюда и негативная оценка таких действий, как *скромни-*

чатъ — ‘быть сознательно, намеренно скромным и нередко для виду’ (Даль 1999), *умничать* (разг., неодобр.) — ‘стараться выказать свой ум’ (СОШ).

Как показывает проведенное исследование, ответить с помощью словарей на такой, казалось бы, детский вопрос: «Что такое хорошо, а что такое плохо», — не всегда бывает просто. В выбранном аспекте необходимо дальнейшее изучение способов лексикографического представления оценок и ценностей, что поможет дополнить и усовершенствовать структуру словарной статьи и создаст предпосылки для подготовки фундаментального словаря русских ценностей, построенного с учетом когнитивных процессов формирования значения слова.

© Л.И. Богданова, 2017

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Абишева А.К. О понятии «ценность» // Вопросы философии. 2002. № 3. С. 139—147. [O ponyatii «tsennost»] [On the concept of “value”]. *Voprosy filosofii*. № 3, 139—147. (In Russ.)]
- Аврамова В. Концептосфера оценочности в национальной картине мира // Проблемы когнитивного и функционального описания русского и болгарского языков, 2003. № 2. С. 17—31. [Kontseptosfera otsenochnosti v natsionalnoy kartine mira [Conceptuality of evaluation in the national picture of the world]. *Problemy kognitivnogo i funktsionalnogo opisaniya russkogo i bolgarskogo yazykov*. № 2, 17—31. (In Russ.)]
- Апресян Ю.Д. Интегральное описание языка и системная лексикография. Избр. труды в 2-х тт. Т. 2. М.: Школа «Языки русской культуры», 1995. 767 с. [Apresyanyan, Yu.D. (1995) *Integral'noye opisaniye yazy'ka I sistemnaya leksikografiya* [Integral description of the language and systemic lexicography]. *Izbr. trudy' v dvux t.t. Vol. 2*. Moscow: Shkola «Yazy'ki russkoj kul'tury'», 1995. (In Russ.)]
- Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1998. 896 с. [Arutyunova, N.D. (1998) *Yazyk i mir cheloveka* [Language and world of man]. М.: Yazyiki russkoj kulturyi. (In Russ.)]
- Бартми́нский Е. Языковой образ мира: очерки по этнолингвистике / Перевод с польского. Составитель и отв. редактор С.М. Толстая. М.: Индрик, 2005. 528 с. [Bartmin'skiy, E. (2005) *Yazykovoy obraz mira: ocherki po etnolingvistike* [Linguistic image of the world: essays on ethnolinguistics]. *Perevod s pol'skogo. Sostavitel' i отв. redactor S.M. Tolstaya*. Moscow: Indrik, 2005. (In Russ.)]
- Богданова Л.И. Ценностный аспект в описании семантики языковых единиц // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: «Филология. Теория языка. Языковое образование». 2017. № 1 (25). С. 50—57. [Bogdanova, L.I. (2017) *Tsennostnyiy aspekt v opisaniy semantiki yazykovyih edinit* [Value aspects of the description of the semantics of language units]. *Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya: «Filologiya. Teoriya yazy'ka. Yazy'kovoye obrazovanie»*. № 1 (25), 50—57. (In Russ.)]
- Булыгина Т.В., Шмелёв А.Д. Оценочные речевые акты извне и изнутри // Логический анализ языка. Язык речевых действий / Под ред. Арутюновой Н.Д. М.: Наука, 1994. 188 с. [Bulyigina, T.V., Shmelyov, A.D. (1994) *Otsenochnyie rechevyie aktyi izvne i iznutri* [Speech acts from outside and from within]. *Logicheskyy analiz yazyka. Yazyk rechevyih deystviy*. Pod red. Arutyunovoy N.D. Moscow: Nauka.]

- Вежбицкая А. Русские культурные скрипты и их отражение в языке // Зализняк А.А., Левонтина И.Б., Шмелёв А.Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира. М., 2005. С. 467—499. [Wierzbicka, A. (2005) *Russkie kulturnye skripty i ih otrazhenie v yazyke* (Russian cultural scripts and their reflection in the language) // Zaliznyak A.A., Levontina I.B., Shmel'ov A.D. *Klyuchevyie idei russkoj yazykovoy kartiny mira*. Moscow, 467—499. (In Russ).]
- Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. М.: Едиториал УРСС, 2002. 280 с. [Volf, E.M. (2002) *Funktsionalnaya semantika otsenki*. (Functional evaluation semantics). Moscow: Editorial URSS. (In Russ).]
- Дерен Б. Формирование культурной компетенции с использованием польско-русского идиоматикона под редакцией Войцеха Хлебды // *Cuadernos de Rusística Española*. 2012. № 8. С. 29—36. [Deren, B. (2012) *Formirovanie kulturnoy kompetentsii s ispolzovaniem polsko-russkogo idiomatikona pod redaktsiey Voytseha Hlebdy* (Formation of cultural competence using the Polish-Russian idiomatik dictionary edited by Voytseh Hlebda). *Cuadernos de Rusística Española*. № 8, 29—36. (In Russ).]
- Джамбаева Ж.А. К вопросу о разработке психолингвистического направления аксиологической лингвистики // *Cuadernos de Rusística Española*. 2013. № 9. С. 29—36. [Dzhabaeva, Zh.A. (2013) *K voprosu o razrabotke psiholingvisticheskogo napravleniya aksiologicheskoy lingvistiki* (On the development of the psycholinguistic direction of axiological linguistics). *Cuadernos de Rusística Española*. № 9, 29—36. (In Russ).]
- Дридзе Т.М. Ассоциативный эксперимент в конкретном социологическом исследовании // Семантическая структура слова. Психологические исследования. Москва: Наука, 1971. [Dridze, T.M. (1971) *Associativnyj jeksperiment v konkretnom sociologicheskom issledovanii* (Associative experiment in a specific sociological study). *Semanticheskaja struktura slova. Psihologicheskie issledovaniya*. Moskva: Nauka. (In Russ).]
- Зализняк Анна. Заметки о словах: общение, отношение, просьба, чувства, эмоции // Зализняк А.А., Левонтина И.Б., Шмелёв А.Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира. М., 2005. С. 280—288. [Zaliznjak, A.A. (2005) *Zametki o slovah: obshhenie, otnoshenie, pros'ba, chuvstva, jemocii* (Notes about words: obshhenie, otnoshenie, pros'ba, chuvstva) // Zaliznjak A.A., Levontina I.B., Shmel'ov A.D. *Kljuchevyie idei russkoj yazykovoy kartiny mira*. Moscow, 280—288. (In Russ).]
- Ивин А.А. Современная аксиология: некоторые актуальные проблемы // *Философский журнал Института философии РАН*. 2010. № 1 (4). С.66—78. [Ivin, A.A. (2010) *Sovremennaja aksiologija: nekotorye aktual'nye problemy* (Modern axiology: some topical issues). *Filosofskij zhurnal Instituta filosofii RAN*. № 1 (4), 66—78. (In Russ).]
- Колесов В.В. Язык и ментальность. СПб.: Петербургское востоковедение, 2004. 240 с. [Kolesov, V.V. (2004) *Jazyk i mental'nost'*. (Language and mentality). SPb.: Peterburgskoe vostokovedenie. (In Russ).]
- Красных В.В. Этнопсихолингвистика и лингвокультурология. М.: Гнозис, 2002. 284 с. [Krasnyh, V.V. (2002) *Jetnopsiholingvistika i lingvokul'turologija*. (Ethnopsycholinguistics and linguoculturology). Moscow: Gnozis. (In Russ).]
- Ларина Т.В. Коммуникативный этностиль как способ систематизации этнокультурных особенностей поведения // *Cuadernos de Rusística Española*. 2013. № 9. С. 193—204. [Larina, T.V. (2013) *Kommunikativnyj jetnostil' kak sposob sistematizacii jetnokul'turnyh osobennostej povedenija* (Communicative ethnostyle as a way of systematizing ethno-cultural features of behavior). *Cuadernos de Rusística Española*. № 9, 193—204. (In Russ).]
- Ларина Т.В., Озюменко В.И. Этническая идентичность и ее проявление в языке и коммуникации // *Cuadernos de Rusística Española*. 2016. № 12. С. 57—68. [Larina, T.V., Ozyumenko, V.I.

- (2016) Ethnic identity in language and communication. *Cuadernos de Rusística Española*. № 12, 57—68. (In Russ).]
- Логутенкова О. Отражение фольклорной картины мира в языковом сознании русско-греческих билингвов (на материале русских и новогреческих загадок) // *Cuadernos de Rusística Española*. 2016. № 12. С. 47—56. [Logutenkova, O. (2016) Otrazhenie fol'klornoj kartiny mira v jazykovom soznanii rusско-grecheskikh bilingvov (na materiale russkih i novogrecheskikh zagadok) (The folklore picture of the world reflected in the language consciousness of the Greek-Russian bilinguals (on the material of Greek and Russian traditional riddles)). *Cuadernos de Rusística Española*. № 12, 47—56. (In Russ).]
- Милославский И.Г. Краткая практическая грамматика русского языка. М.: Либроком, 2015. 284 с. [Miloslavskij, I.G. (2015) *Kratkaya praktičeskaja grammatika russkogo jazyka* (Practical Grammar of the Russian Language). Moscow: Librokom. (In Russ).]
- Норман Б.Ю. Когнитивный синтаксис русского языка. Москва: Флинта. Наука, 2013. 254 с. [Norman, B.Ju. (2013) *Kognitivnyj sintaksis russkogo jazyka*. (Cognitive syntax of the Russian language). Moskva: Flinta. Nauka. (In Russ).]
- Плисецкая А.Д., Филимонов К.В. Фрейминг и рефрейминг в речевых стратегиях американских политических лидеров // Вестник Московского университета. Серия 21. Управление, 2015. № 4. С. 160—176. [Pliseckaja, A.D., Filimonov, K.V. (2015) Frejming i refrejming v rečevykh strategijah amerikanskih političeskikh liderov (Framing and reframing in rhetorical strategies of American political leaders). *Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 21. Upravlenie*. № 4, 160—176. (In Russ).]
- Ремчукова Е.Н., Шевченко О.А. Прецедентные тексты как одно из лингвокреативных средств в современных печатных СМИ России и Испании // *Cuadernos de Rusística Española*, 2014. № 10. С. 71—75. [Remchukova, E.N., Shevchenko, O.A. (2014) Precedentnye teksty kak odno iz lingvokreativnyh sredstv v sovremennyh pechatnyh SMI Rossii i Ispanii (Precedent texts as one the linguocreative means of contemporary print media in Russia and Spain). *Cuadernos de Rusística Española*. № 10, 71—75. (In Russ).]
- Себепова Р.М., Онгарбаева А.Т. О роли клишированных формул оценки в развитии рефлексивно-коммуникативной субкомпетенции студентов // *Cuadernos de Rusística Española*, 2015. № 11. С. 61—68. [Seberova, R.M., Ongarbaeva, A.T. (2015) O roli klishirovannyh formul ocenki v razvitií refleksivno-kommunikativnoj subkompetencii studentov (The role of the formulas cliché in the development of the comunicativj-reflective subcompetences of students). *Cuadernos de Rusística Española*. № 11, 61—68. (In Russ).]
- Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии: перевод с английского. М.: Прогресс, 2002. [Sepir, Je. (2002) *Izbrannye trudy po jazykoznaniju i kul'turologii: perevod s anglijskogo*. (Selected works on linguistics and culturology). Mscow: Progress. (In Russ).]
- Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество. М.: Политиздат, 1992. 543 с. [Sorokin, P.A. (1992) *Chelovek. Civilizacija. Obshhestvo* (Human. Civilization. Society). Moscow: Politizdat. (In Russ).]
- Сорокин Ю.А., Марковина И. Ю. Культура и ее этнопсихологическая ценность // Этнопсихоллингвистика. М., 1998. [Sorokin, Ju.A., Markovina, I. Ju. (1998) Kul'tura i ejo jetnopsihologičeskaja cennost' (Culture and its ethno-psychological value). *Jetnopsiholingvistika*. Moscow. (In Russ).]
- Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. 288 с. [Telija, V.N. (1996) *Russkaja frazeologija. Semantičeskij, pragmatičeskij i lingvokul'turologičeskij aspekty*. (Russian phraseology. Semantic, pragmatic and linguocultural aspects) Moscow: Shkola «Jazyki russkoj kul'tury». (In Russ).]

- Трубецкой Н.С. Верх и низы русской культуры (Этническая основа русской культуры) // Исход к Востоку. София, 1921. [Trubeckoj, N.C. (1921) *Verhi i nizu ruskoj kul'tury (Jetriche-skaja osnova ruskoj kul'tury)* (Tops and bottoms of Russian culture (Ethnic basis of Russian culture)). *Ishod k Vostoku*. Sofija. (In Russ).]
- Уфимцева Н.В. Сопоставительное исследование языкового сознания славян // Методологические проблемы когнитивной лингвистики. Воронеж, 2001. С. 65—71. [Ufimceva, N.V. (2001) *Sopostavitel'noe issledovanie jazykovogo soznanija slavjan* (Comparative study of the linguistic consciousness of the Slavs). *Metodologicheskie problemy kognitivnoj lingvistiki*. Voronezh, 65—71. (In Russ).]
- Фрумкина Р.М. Психолингвистика. М.: Академия, 2001. 320 с. [Frumkina, R.M. (2001) *Psiholingvistika* (Psycholinguistics) М.: Akademija. (In Russ).]
- Фуко М. Слова и вещи. СПб.: А-сэд, 1994. 408 с. [Foucault, M. (1994) *Slova i veshhi*. (Words and things) SPb.: A-cad. (In Russ).]
- Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974. [Shherba, L.V. (1974) *Jazykovaja sistema i rechevaja dejatel'nost'*. (Language system and speech activity). L. (In Russ).]
- Fillmore, Ch. (1969) Types of lexical information // *Studies in Syntax and Semantics*. Dordrecht.
- Hofstede, G.H. (1991) *Cultures and Organizations: Software of the Mind*. L.: McGraw-Hill Book Company (UK) Limited.
- Kecskes, I. (2016) A Dialogic Approach to Pragmatics // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика*. Т. 20. № 4. С. 26—42.
- Kluckhohn, F., Strodtbeck, F.L. (1961) *Variations in Value Orientations*. Connecticut: Greenwood Press.
- Laclau, E., Mouffe, C. (1985) *Hegemony and Socialist Strategy*. L.
- Lakoff, G. (2004) *Don't Think of an Elephant! Know Your Values and Frame the Debate*. The Essential Guide for Progressives. White River Junction, VT.
- Putnam, H. (1975) *Mind, Language and Reality. Philosophical Papers*. Cambridge Univ. Press. Vol. 2.
- Vendler, Z. (1967) *The Grammar of Goodness* // *Linguistics and Philosophy*. Ithaca. N.Y.

Словари и интернет-ресурсы / Dictionaries and Internet Recourses

- БТС — Большой толковый словарь русского языка. СПб.: Норинт, 2000. 1536 с. [BTS *Bol'shoj tolkovyj slovar' russkogo yazy'ka*. SPb.: Norint, 2000.]
- Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4-х тт. М.: Русский язык, 1999. [Dal', V.I. (1999) *Tolkovyj slovar' zhivogo velikoruskogo yazy'ka*. V chety'ryox tomah. Moscow: Russkij jazy'k.]
- СОШ — Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М.: Азбуковник, 1999. [SOSh — Ozhegov, S.I., Shvedova, N.Yu. (1999) *Tolkovyj slovar' russkogo yazy'ka*. Moscow: Azbukovnik.]
- НКРЯ — Национальный корпус русского языка: www.ruscorpora.ru [Nacional'nyj korpus russkogo yazy'ka *NKRYa* // www.ruscorpora.ru]
- Из интервью с Д.С. Лихачёвым [Электронный ресурс]: <http://litirus.ru/lektcii/intervyu-d.-shevarova-s-d.s.-lihachevyim.html>.

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 28 мая 2017

Дата принятия к печати: 05 июля 2017

Для цитирования:

Богданова Л.И *Оценки и ценности в зеркале словарей русского языка // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. 2017. Т. 21. № 4. С. 729—748. doi 10.22363/2312-9182-2017-21-4-729-748.*

Сведения об авторе:

Людмила Ивановна Богданова, доктор филологических наук, профессор; профессор кафедры сопоставительного изучения языков факультета иностранных языков и регионоведения Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова; член редколлегии журнала «Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика». *Сфера научных интересов:* грамматика, семантика, когнитивная лингвистика, выявление субъективных смыслов и способов их реализации в речи, деятельностный подход к формированию текстовой компетенции. Разрабатывает направление, связанное с описанием русского языка для речевых действий. Автор более 180 научных трудов, среди которых монографии, учебные пособия и научные статьи. *Контактная информация:* libogdanova1@mail.ru

DOI: 10.22363/2312-9182-2017-21-4-729-748

THE REFLECTION OF EVALUATION AND VALUES IN RUSSIAN LANGUAGE DICTIONARIES*

Ludmila Bogdanova

Lomonosov Moscow State University (MSU)
31-1, Lomonosovsky Pr., 119192, Moscow, Russia

Abstract. The article deals with the evaluative characteristics of lexis which denotes concepts which are culturally significant for society, and have been reflected in various ways in Russian dictionaries. Experience of research in this area (Yu.D. Apresyan, N.D. Arutyunova, E. Bartminsky, A. Wierzbicka, E.M. Wolf, T.V. Larina, N.V. Ufimtseva, etc.) demonstrates that one effective direction is a communication-activity approach which allows researchers to explore evaluation characteristics from the perspectives of both recipient and producer of the speech. This article represents the fruit of research into the receptive aspect of the study of values; its aim is to show how evaluation markers are dealt with in dictionaries, and describe the representation of evaluations and values in lexicographical sources. During the research, various methods and operational procedures were used, including the analysis of definitions, component analysis, context transformation, equivalent replacement, modelling, linguistic experiment, etc. While studying the ways of denoting estimations and values in Russian dictionaries, we found explicit and implicit means of expressing the evaluative characteristics of lexical units, which affect the reception of estimates by users of dictionaries. Special attention is paid to research into the problems of cultures in contact situations. The structure of views about the same event cannot correspond across different cultural communities, which confirms the thesis on the existence of fundamental culture codes which manage linguistic and perceptual codes (Foucault). It was found that evaluative components are inconsistently reproduced, in explanatory dictionaries, and dictionary definitions frequently fail to clarify the question of evaluation of the content in question, which makes it difficult for users to process the evaluative significance of dictionary entries. The dictionary defini-

---

* The research is supported by the Russian Foundation for Basic Research (RFBR), Project № 17-04-00053 «Prospectus of Russian grammar for productive speech activity».

tion, therefore, often fails to reflect the actual use of the word in speech. The results obtained entail a reflection on the optimisation of dictionary definitions, and argue for the creation of a special dictionary of Russian evaluation.

Keywords: *evaluation, cultural values, activity approach, culture contact, definition, dictionary entry, reception of values*

Article history:

Received: 28 May 2017

Revised: 20 June 2017

Accepted: 05 July 2017

For citation:

Bogdanova, L. (2017) The Reflection of Evaluation in Russian Language Dictionaries. *Russian Journal of Linguistics*, 21 (4), 729—748. doi 10.22363/2312-9182-2017-21-4-729-748.

Bio Note

Ludmila I. Bogdanova — Doctor of Philology, Professor of the Department of Comparative Analysis of Languages of the Faculty of Foreign Languages and Area Studies of Lomonosov Moscow State University, editorial board member of the “Russian Journal of Linguistics”. *Research interests:* grammar, semantics, cognitive linguistics, identification of subjective meanings and ways of their realization in speech, the activity approach to the formation of text competence. Develops a research area connected with the description of the Russian language for speech acts. The author of over 180 publications. *Contact information: e-mail:* libogdanova1@mail.ru